

ARCHETYPE AS THE BASIS OF THE INFORMATION TRANSFER IN FOLKLORE TEXTS

V. Teleutsia, Candidate of Philology, Associate Professor
National Aviation University, Ukraine

The author investigates the archetype as a basis of national self-awareness; the author analyses peculiarities of functioning of symbols as representatives of archetypes in the folklore.

Keywords: archetype, symbol, self-awareness, mythological consciousness, folk thinking.

Conference participant

АРХЕТИП КАК ОСНОВА ПЕРЕДАЧИ ИНФОРМАЦИИ В ФОЛЬКЛОРНЫХ ТЕКСТАХ

Телеуца В. В., канд. филол. наук, доцент
Национальный авиационный университет, Украина

В статье исследуется архетип как основа национального самосознания; определяются особенности бытования в фольклоре символов как репрезентантов архетипов.

Ключевые слова: архетип, символ, самосознание, мифологическое сознание, фольклорное мышление.

Участник конференции

В мифологическом сознании наших предков много внимания уделялось природным явлениям и стихиям, отдельным этапам жизни и смерти человека, структуре окружающего мира и т.д. Пожалуй, чаще большинство основных представлений древних людей о жизни общества, природы, роль человека в нем синтезированы в представлениях об общей закономерности, отражением которой считалось все, что существует и происходит в мире. В условиях подчиненности жизни общества природному циклу эта закономерность часто представлялась законом универсального круговорота, охватывающего всю жизнь Вселенной. В украинском фольклоре, как и в народном творчестве других славянских народов, мифологические образы дошли до нас, хотя и в достаточно редуцированном виде, в значительной степени утратив свою прежнюю семантику и приобретя значение поэтических метафор и символов. Архетипы (древние универсалы культуры) не только определяют традиционное общество, но и присутствуют на уровне современной практики, как неоднократно было доказано в рамках этнологических исследований. Архетип – это модель, которая либо в целостном, либо в измененном виде дошла до нашего времени, это прообраз того, что составляло основу первобытного существования и до сих пор играет важную роль. Все сказанное и определило актуальность нашего исследования.

Цель нашей статьи состоит в том,

чтобы исследовать архетип как основу национального самосознания, как символическую форму восприятия действительности, выяснить характер функционирования древних слоев народного творчества, особенности использования в фольклоре символов как репрезентантов архетипов.

Архетипы тесно связаны с субъективными переживаниями и происходит это через, выраженные символическим образом, определенные универсальные мифологические мотивы или архетипные образы. Последние являются основными компонентами любых религий, мифов, легенд и сказок всех времен и народов. Каждый из архетипов, как отмечает В. Зилинский, имеет много символических репрезентаций, отмеченных культурными или личностными факторами, но сама архетипная форма при этом единая и универсальная¹.

Символика народной поэзии – это устойчивое, строго дифференцированное по содержанию представление, которое вызывает постоянный круг ассоциаций в определенной поэтической системе. Символ нельзя дешифровать простым усилием рассудка, он неотделим от структуры образа, не существует как некая рациональная формула, которую можно «вложить» в образ, а затем – извлечь из него.

Культурно-философская и фольклорно-литературоведческая мысль преимущественно разграничивает понятия образа и символа. При анализе художественного процесса пользуются либо образом (Ф. Шеллинг, А. По-

тебня, М. Костомаров, М. Бахтин, Д. Лихачов), или символом (А. Лосев, Н. Новикова). Символ указывает на неполноту смысла, «семантическую текучесть» (О. Лосев), неопределенность, многозначность, иногда указывает на то, что предчувствуется, но еще никому не известное (К.-Г. Юнг). «Символ считается проявлением особой реальности, в которой он, в отличие от знака, устраняет напряжение между означающим и означаемым... Так, П. Рикер считает, что многозначность символа обусловлена любой структурой значения, где один первичный, буквальный, прямой смысл спроектирован в опосредованный, вторичный, иносказательный, но понятный только через первый. Высказывания с двойным значением формируют герменевтический круг, расширяют возможности интерпретации, которая реализуется в полисемантическом поле. Символ нуждается в многомерном декодировании»².

Главным для понимания сути художественного символа является именно то положение, что символ указывает на выход образа за собственные пределы, на наличие определенного смысла, нераздельно слитого с образом, но ему не тождественного. Символ двуединный – предметный образ и глубинный смысл. Эти два полюса противоположные и взаимозависимы одновременно, «потому смысл теряет вне образа свой смысл, образ вне смысла распадается на составляющие»³.

По мнению Э. Кассирера, Г. Уса-

1 Мороз О.І. Архетипи у зимових календарних обрядах болгар Бессарабії: традиційна культура та сучасність. // Актуальні проблеми вітчизняної та всесвітньої історії: Збірник наукових праць. – Х.: ХНУ імені В.Н.Каразіна, 2006. – Вип. 8. – С. 57.

2 Літературознавча енциклопедія: У двох томах. Т.2 / Авт.-уклад. Ю.І. Ковалів. – К.: ВЦ «Академія», 2007. – С. 389.

3 Усатенко Г.О. Образно-символічна система художнього часу в фольклорі. – К., 1994. – 43 с.

тенко, «художественно-словесный образ отражает и осмысливает действительность, является едва ли не самым точным и тонким конденсатором народных представлений и знаний о времени»⁴.

В обрядовых текстах символы-архетипы (хлеб, вода, огонь, дом, верх-низ, солнце, луна, круг) приближены к знаку с относительно определенным значением (колесо – солнце, коза – символ плодородия, урожая, месяц – хозяин, солнце – хозяйка, мать – единство между мирами живых и мертвых, супружеской пары и т.п.). Система архетипных символов обрядового фольклора преимущественно раскрывает циклическое восприятие времени.

Система символов лирических песен качественно отличается от системы символов обрядовых песенных текстов. Система внеобрядовой лирики является психологической, значение ее определяется контекстом, внутренним психологическим состоянием создателя и исполнителя. Поэтому знаковое определение значений символов-архетипов, символов-клише уступает в лирических песнях образно-символической многозначности.

А. Потебня отмечал: «Поскольку символизм есть остатком глубокой древности, встретить его можно преимущественно там, где медленнее происходит разграничение мысли и языка и куда медленнее проникает новое... В общем мысль мужчины шире, подвижнее, изменчивее, учитывая новые, объединенные в ней стихии, чем мысль женщины, замкнутой в круг текуще-меняющегося быта, более близкой природы и нерушимого многообразия явлений. Женщина – преимущественно хранительница обрядов и верований, давно застывшего и уже не понятного язычества. Поэтому связь с языком и символом, характеризующая женские песни, встречается в мужских значительно меньше»⁵.

Древнейшими, глубокими, а значит и наиболее распространенными являются символы-архетипы. Они выступают в песенных текстах в двух

своих формах: в юнговском смысле как мотивы и их комбинации. Наделены свойствами вездесущности, универсальные стойкие психические схемы (фигуры), они подсознательно воспроизводятся и приобретают содержание в ритуале, мифе, символе, верованиях, а также в художественном творчестве⁶ и как сквозные образы-идеи определенной культуры, ментальности, картины мира.

Сознание как субъективный образ объективного мира выступает в двух формах: индивидуальной и общественной. Одна из форм общественного сознания – искусство, базирующееся на художественном мышлении. «Поскольку каждый чувственный образ является частью сознания (художественного), то знание, образы, смысл, которые дифференцируют чувства человека, объединяют их в единое сознание. Фольклорное сознание мы понимаем как часть художественного сознания. Память, в частности, фольклорную – как способность нервной системы определенного информатора долго хранить информацию художественно-социального, мифологического представления людей о мире и многократно вводить ее в сферу сознания (фольклорного)... Основа фольклорной информации – архетипы – художественные узлы памяти, функционирующие в фольклорном сознании, подкармливают ее («первичные образцы сочетания образа и эмоций») в системе этногенеза в целом (как процесса от возникновения до распада этноса)»⁷.

Именно архетип и является модулем, т.е. единицей интеллектуальной емкости народной образной памяти, стержнем архитектоники художественного мышления (модуль). С помощью модулей-архетипов происходит процесс генетичности (унаследованная способность памяти к передаче фольклорной информации – фондовых образов-символов, архетипов). Это своеобразный образный генофонд – накопленные творческим опытом памяти зрительные, ассоци-

тивные художественные знаки. Шкала мощности модуль-архетипов памяти определяет интеллектуальный потенциал мышления народа. Интеллектуальный потенциал народной памяти – это не только способность усвоения исторической информации, но и ее научного, художественного осмысления и, главное, способность к новоформам – продолжение функционирования, нового осмысления модуль-архетипов и создание новых горизонтов исторической и образной информации (новый историко-образный контекст).

Системность фольклорного мышления – это отражение (фиксация) в народном сознании совокупности всех архетипов (мифологических, фольклорных, исторических, этических, эстетических, языковых, образных и т.д.) и создание единого художественного сознания народа (системы), выражает его менталитет на уровне «трансляции» (исполнения) фольклорного произведения во всех его этнических, психологических и социальных особенностях.

По К. Юнгу архетипы – «унаследованная психическая структура, содержит в себе душевную энергию поколений, сложившуюся в процессе филогенеза человечества»⁸. Ученый определяет и психологию художественного произведения (системы), формулируя ее как творческий модуль (главный концепт художественного сознания), как «прощение», «прапереживания», девственную сущность, удаленную на большое расстояние от личного пласта художника, его самосознания. Юнг определяет характер этой творческой энергии как имперсональный (энергия семьи, нации). Архетипы составляют основное содержание такой энергии, именно они создают своеобразный информационно-творческий горизонт системы образного мира человека. Понятие «художественный (фольклорный) архетип» несколько упрощает первичный смысл юнговского понимания архетипа как имперсональной энергии семьи, нации, как информационной системы душевных состояний, имеющих

4 Там же.

5 Потебня А.А. О некоторых символах в славянской народной поэзии. – Харьков, 1860. – С.5.

6 Літературознавчий словник-довідник / Р.Т.Гром'як, Ю.І.Ковалів та ін. – К.: ВЦ «Академія», 1997. – С.38.

7 Буряк В.Д. Регіональні особливості творчого стану сучасної поетичної народної свідомості Придніпров'я // Фольклор і говори Наддніпрянщини: Зб. наук. пр. – Дніпропетровськ: ДДУ, 1997. – С. 11 – 12.

8 Юнг К. Архетипи и символы. – М., 1991. – С.48.

полуобразные признаки. Но поскольку синкретическая модель, мифосистема, распадается на детализированные информационные подсистемы, мы выделяем в понятии «обновленный архетип» следующие уровни: архетипы этнические, исторические, психологические, этические, языковые, эстетические и др. Художественный архетип как новая система уже не несет в себе столько первичной психоэнергии, как мифологический (юнговский). Произошел разрыв между знаком и его значением (осмыслением). Знак воспринимается как нечто неизменное, застывшее (абстрактная информация), не подлежит анализу ощущений. Это украинские образы-архетипы: «зоря», «місяць», «сонце», «гора» (первый сознательный горизонт). Второй сознательный горизонт: «калина», «явір», «верба» и др. архетипы первого информационного сознательного горизонта имеют психическую образную наполненность, потому что за давностью достигают индоевропейского сознательного пласта. Архетипы второго горизонта выполняют лишь образную функцию. Присутствует в них магический план (в балладах – превращение девушки в дерево) хоть и частично психически нагруженный, но не выходит из художественного контекста (психоэнергетическая доминанта, как в обрядовом фольклоре) выявление «юнговских» признаков архетипа помогает осознать архетипный горизонт сознания как информационный праисточник или микросистему фольклорного сознания (произведения) – начальный знак памяти. Макросистема – это горизонт сознания, который способен к процессам информации и управления, это наличие многоуровневости и иерархичности. Такими системами являются фольклорная память, фольклорное произведение, фольклорсреда⁹.

На уровне формы подачи фольклорного концентрата (текста и всего, что его сопровождает: движение, пение, танец, мимика, дыхание, цвет, этноокружение) системой существует форма презентации подачи фольклорного материала, который имеет свою определенную функцию – как магическую, так и информативную. Скажем, обрядовый фольклор (обрядовый го-

ризонт информации фольклорного сознания) имеет свое функциональное (жизненное) назначение. Он выражает стремление сознания индивидуумов с помощью магических действий добиться хорошего урожая, иметь крепкое здоровье, счастье, крепкую семью, достаток.

Система «обряд» (свадебный обряд) тоже четко представляет информационную систему человеческого сознания от уровня микрогоризонт до уровня макрогоризонт (первичные архетипы – этномировой космос).

Первый, самый высокий архетипный горизонт художественного сознания народа – космический, точнее – этнокосмический, и по схеме он должен был охватывать все информационные горизонты, заключая их в своеобразное кольцо, потому что с него начинается информация о мироздании, из него к нам приходят центральные архетипы: Солнце, Месяц, Вода, Огонь, Крест, Вселенная, Заря ...

Свадебный обряд – своеобразная магическая система, действие, в котором принимают участие все члены рода. Это очень важно, потому что это тоже установка на счастье, на благополучие. Все действия членов семьи архетипные по сути, они направлены на соблюдение канона.

Анализ свадебной обрядности показывает, что прежде всего система сознательного (совокупность общих признаков, выражающих единое целое) охватывает все горизонты архетипов, создает единое художественное сознание народа и отражает его менталитет на уровне «трансляции» (исполнения) фольклорного произведения.

Неотъемлемой особенностью системы «свадебный обряд» есть связь со средой. Это подтверждает целостность информационной системы «Свадебный обряд»: от уровня микрогоризонт до уровня макрогоризонт (начальные архетипы – этнический и мировой космос).

Текстовая фактура свадебных песен насыщена большим количеством образов-символов. Исследование фольклорной поэтики с точки зрения эволюции обрядового (свадебного)

символа дает возможность перейти от историко-типологической точки зрения к сосредоточению на его психологическо-эстетической доминанте: выявить, как по мере временного удаления от собственно мифологического символа возрастает его роль в поэтическом контексте современной свадебной поэзии, соединяя в одно целое первобытную и новейшую поэзию.

Символическое изображение действительности в свадебных песнях является доминирующим. Образ-символ и реальный образ в свадебной песни органически связаны между собой по содержанию. Все образы-символы мы разделяем на следующие группы: символы космогонического ряда, символы ряда явлений природы, символы предметного ряда, символы органического мира (символы растений – ботаноморфные символы; символы животных – орнитоморфные, зооморфные), символы пространства, символы ассоциативного поля, символика цвета, числовая символика. Некоторые образы растительного, животного мира, космогонические образы оказываются общими для всех народов и свадебных обрядов, другие распространенные в традиции только одного народа (характерно для полиэтнических регионов).

Насыщенность текстовой фактуры свадебных песен образами-символами органического мира указывает на верования и мировоззрение населения конкретного региона и виды его основной хозяйственной деятельности. Символы орнитоморфного, зооморфного, ботаноморфного происхождения, как показало исследование, свидетельствуют о вероятности участия в их создании-формировании представлений, связанных с наличием тотемной дифференциации родов, predeterminedная экзогамией браков.

Наличие определенной категории символов объясняется этническим своеобразием региона и его природным ландшафтом. В основе дифференциации родовой символики в период экзогамных браков выступали определенные атрибуты, родовые признаки, тип хозяйства.

Особую группу символов состав-

⁹ Буряк В.Д. Магічно-величальна обрядовість як інформаційна система фольклорної свідомості // Народознавчі аспекти фольклору, мови та літератури Придніпров'я: Зб. наук. пр. – Дніпропетровськ: ДДУ, 1995. – С. 35 – 37.

ляют символы для обозначения цвета и числа. Колористическая символика дает оценочные характеристики. В художественной системе обряда одни цвета более «архаичные» и в свою очередь более символические, другие менее символические. Числовая символика дает не количественные характеристики, а качественные.

При идентичности художественных принципов создания и построения поэтических образов сами эти образы в традиции каждого народа своеобразны. Они дают песням особые оттенки, черты национального, местного колорита, зависящие от условий жизни народа, на основе которых эти образы формировались.

References:

1. Buryak V.D. Magichno-velichal'na obryadovist' yak informatsiina sistema fol'klornoї svidomosti [Magic-entitling rituals as the informational system of folklore consciousness]. Narodoznavchi aspekti fol'kloru, movi ta literaturi Pridniprov'ya: Zb. nauk. Pr [National aspects of folklore, language and literature of Podniprovyie. Collection of scientific reports]. – Dnipropetrovs'k., DDU, 1995., pp. 35–54.

2. Buryak V.D. Regional'ni osoblivosti tvorchoho stanu suchasnoї poetichnoї narodnoї svidomosti Pridniprov'ya [Regional features of the creative state of modern poetic national consciousness in Pridniprovyie]. Fol'klor i govori Naddnipyrianshchyni. Zb. nauk. pr. [Folklore and language of Naddniprovyie. Collection of scientific reports] – Dnipropetrovs'k., DDU, 1997., pp. 11–29.

3. Literaturoznavcha entsiklopediya: U dvokh tomakh [Literary encyclopedia: in 2 parts]. T.2., avtor-sostavitel' Yu.I. Kovaliv. – Kyev., VTs "Akademiya", 2007. – 624 p.

4. Literaturoznavchii slovnik-dovidnik [Literary dictionary-reference] / R.T. Grom'yak, Yu.I. Kovaliv ta in. – Kyiv., VTs "Akademiya", 1997. – 752 p.

5. Moroz O.I. Arkhetipi u zimovikh kalendarnikh obryadakh bolgar Bessarabii: traditsiina kul'tura ta suchasnist' [Archetypes in winter calendar rituals of Bulgarians of Bessarabia: traditional culture and the modern life]. Aktual'ni problemi vitchiznyanoi ta vsesvitn'oi istorii. Zbirnik naukovikh prats' [Actual problems of national and world history. Collection of scientific reports] – Khar'kov., KhNU imeni V.N. Karazina, 2006., Vip. 8. – S. 22-28.

6. Potebnya A.A. O nekotorykh simbolakh v slavyanskoї narodnoї poezii [On certain symbols in Slavic national poetry]. – Khar'kov., 1860. – 155 P.

7. Usatenko G.O. Obrazi-simvoli chasu v ukrains'komu pisenomu fol'klori [Images-symbols of time in Ukrainian folklore songs]. Narodna kul'tura Ukraini i problemi fol'kloristiki [National culture of Ukraine and problems of folklore studies]. – Kyiv., 1993., pp. 44-46.

8. Usatenko G.O. Obrazno-simvolichna sistema khudozhn'ogo chasu v fol'klori [Image-symbolic system of artistic time in folklore]. – Kyiv., 1994. – 43 p.

9. Yung K. Arkhetip i simbol [Archetype and the symbol]. – Moskva., 1991. – 169 p.

Литература:

1. Буряк В.Д. Магічно-величальна обрядовість як інформаційна система фольклорної свідомості // Народознавчі аспекти фольклору, мови та літератури Придніпров'я: Зб. наук. пр. – Дніпропетровськ: ДДУ, 1995. – С. 35 – 54.

2. Буряк В.Д. Регіональні особливості творчого стану сучасної поетичної народної свідомості Придніпров'я // Фольклор і говори Наддніпрянщини: Зб. наук. пр. – Дніпропетровськ: ДДУ, 1997. – С. 11 – 29.

3. Літературознавча енциклопедія: У двох томах. Т.2 / Авт.-уклад. Ю.І. Ковалів. – К.: ВЦ «Академія», 2007. – 624 с.

4. Літературознавчий словник-довідник / Р.Т. Гром'як, Ю.І. Ковалів та ін. – К.: ВЦ «Академія», 1997. – 752 с.

5. Мороз О.І. Архетипи у зимових календарних обрядах болгар Бессарабії: традиційна культура та сучасність. // Актуальні проблеми вітчизняної та всесвітньої історії: Збірник наукових праць. – Х.: ХНУ імені В.Н.Каразіна, 2006. – Вип. 8. – С. 22-28.

6. Потебня А.А. О некоторых символах в славянской народной поэзии. – Харьков, 1860. – 155 с.

7. Усатенко Г.О. Образи-символи часу в українському пісенному фольклорі // Народна культура України і проблеми фольклористики. – К., 1993. – С. 44 - 46.

8. Усатенко Г.О. Образно-символічна система художнього часу в фольклорі. – К., 1994. – 43 с.

9. Юнг К. Архетип и символ. – М., 1991. – 169 с.

Information about author:

Valentyana Teleutsia - Candidate of Philology, Associate Professor, National Aviation University; address: Ukraine, Kyiv city; e-mail: lada_20062006@ukr.net

Сведения об авторе:

Телеуца Валентина - кандидат филологических наук, доцент, Национальный авиационный университет; адрес: Украина, Киев; электронный адрес: lada_20062006@ukr.net

